

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.21>

Клюкина Людмила Александровна

[Логика образования в контексте социальной философии М. К. Мамардашвили](#)

Целью данной статьи является реконструкция логики образования в контексте социальной философии М. К. Мамардашвили, а также обоснование целесообразности обращения к вышеназванной логике образования в области отечественной философии образования. В статье рассмотрены основные идеи его социальной философии, выявлены положения логики образования, соответствующей его социальной философии, показано значение данной логики образования в современном образовании России. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые исследована и продемонстрирована связь социальной логики и логики образования Мамардашвили. В результате обосновано, что в контексте предложенной логики образования содержатся теоретические условия для построения российской модели открытого образовательного пространства, в котором возможно проявление спонтанной активности и свободного взаимодействия людей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/9/21.html

Источник

[Манускрипт](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 9. С. 110-114. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/9/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.21>

Дата поступления рукописи: 03.08.2020

Целью данной статьи является реконструкция логики образования в контексте социальной философии М. К. Мамардашвили, а также обоснование целесообразности обращения к вышеуказанной логике образования в области отечественной философии образования. В статье рассмотрены основные идеи его социальной философии, выявлены положения логики образования, соответствующей его социальной философии, показано значение данной логики образования в современном образовании России. **Научная новизна** исследования заключается в том, что впервые исследована и продемонстрирована связь социальной логики и логики образования Мамардашвили. **В результате** обосновано, что в контексте предложенной логики образования содержатся теоретические условия для построения российской модели открытого образовательного пространства, в котором возможно проявление спонтанной активности и свободного взаимодействия людей.

Ключевые слова и фразы: идеология; логика образования; М. К. Мамардашвили; «превращенные формы сознания»; сообщество; социальная логика.

Клюкина Людмила Александровна, д. филос. н., доц.
Петрозаводский государственный университет
klyukina-la77@yandex.ru

Логика образования в контексте социальной философии М. К. Мамардашвили

Актуальность данной темы обусловлена тем, что стиль философствования и чтения лекций М. К. Мамардашвили признается современными исследователями опытом индивидуального мышления, в ходе которого достигалось как самопонимание самого философа, так и его учеников. Идеи эмансипации сознания и «разоблачения» идеологий Мамардашвили могут быть взяты за основу при построении логики образования, в рамках которой формируется индивидуальная культура личности. Индивидуальная культура личности – целостная система представлений человека о мире и себе самом. Индивидуальные культуры составляют культуру сообщества, которая представляет связную совокупность данных культур. Поэтому построение логики образования предполагает исследование вопроса о соотношении ее с логикой общественного развития. Взаимосвязь между обществом и его сознанием мыслитель прямо и последовательно рассматривает в своих «Вильнюсских лекциях по социальной философии» [3], прочитанных в 1981 году. Под логикой образования он понимал процесс осознания индивидом истинности результатов собственного опыта и размышлений путем приобщения к культуре сообщества и построения отношения к ней. В этой связи исследование логики образования Мамардашвили представляет существенный интерес для развития отечественной философии и истории образования.

В статье решались следующие **задачи**: на основе анализа Вильнюсских лекций исследовать представления о социальной логике Мамардашвили; выявить основные положения логики образования, соответствующей его социальной логике; установить значение данной логики образования в современном образовании России.

В статье применялись следующие **методы исследования**: герменевтический метод и сформулированный самим Мамардашвили оригинальный феноменологический подход.

Теоретическую базу исследования составили тексты самого Мамардашвили, а также отечественных исследователей: Л. А. Клюкиной, Н. В. Мотрошиловой, А. А. Полонникова, Ю. В. Пуцаева, Д. Г. Рындина, Э. Ю. Соловьева, В. Ю. Файбышенко.

Практическая значимость работы заключается в том, что философские идеи и принципы, составляющие логику образования Мамардашвили, могут использоваться в качестве теоретических оснований для построения российской образовательной политики.

Логика образования зависит от логики общественного развития и определяется ею. В природе сообщества совмещаются консервативное и творческое начала, между которыми существует напряжение, выражающееся в конфликте между новыми идеями творческой личности и нормами существующей традиции. Однако постепенно новизна входит в культуру общества как результат преодоления данного конфликта. Динамика общественного развития предполагает взаимодействие традиций в форме диалога, в ходе которого обе традиции взаимно влияют друг на друга и преобразуются. Как показал Ю. М. Лотман, сам диалог между традициями может осуществляться по двум сценариям и быть ориентирован на построение либо бинарной культуры, либо тернарной. С его точки зрения, культура Российской империи представляла собой модель бинарной культуры, осознающей себя в категории «культурного взрыва». В рамках бинарной модели культуры Лотман описывал ситуацию раскола в русской культуре как противостояние средневековой русской традиции и имперской [2]. В советской культуре также можно было обнаружить антиномию старого и нового. Н. В. Мотрошилова отмечала, что в советскую эпоху 50-80-х гг. существовало глубокое противоречие между двумя полюсами культуры: прессингом социально-идеологической системы и интеллектуальным и художественным творчеством, нацеленным на выражение свободы личности. В ситуации тотального идеологического и политического контроля и давления невозможно было открыто заниматься проблемами социальной философии, философии политики, власти и идеологии [9, с. 54-55]. Однако именно в эту эпоху стало складываться новое философское сообщество как альтернатива партийной элите. Среди новой философской элиты появилось много талантливых людей, но особую роль в становлении отечественной философии тех лет сыграл Мераб

Константинович Мамардашвили. Отличительной чертой его личности было не только радикальное отношение к советскому режиму, но прежде всего вдумчивое отношение к своему сознательному опыту, стремление к освобождению от своих собственных идолов. Поэтому он в первую очередь обращался к теме «мета-философии, т.е. философской же рефлексии над самой философией» [Там же, с. 67]. В своих лекциях и интервью он неоднократно высказывал мысль, что практика индивидуального сознательного опыта в культуре необходимым образом должна определять и логику общественного развития, и логику образования. Э. Ю. Соловьев, его друг и ученик, анализируя его педагогическую практику, сделал вывод, что для философа в процессе образовательной деятельности важным было научить человека *отстраняться* от идеологии и мыслить самому [14, с. 20]. В этом смысле он, по мнению Соловьева, продолжал в своей теории и практике идею Просвещения, изложенную в статье И. Канта «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?» [Там же, с. 22].

Предмет социальной философии, по Мамардашвили, следует мыслить «в терминах вообще человеческих возможностей и их ограничений, которые коротко все в целом можно обозначить одним словом... “собираение”» [3, с. 7]. Он считал, что человек – «искусственное существо», рождающее само себя посредством творения культуры и утрачивающее впоследствии возможность иметь знание о своем происхождении. Общество он также считал искусственным изобретением человека. Человек и общество держатся на собственных усилиях, поэтому о них можно говорить как о «собираении» потенциального и реализации его. «Собираение» всегда есть осмысленное целое. Человеку, чтобы быть человеком, необходимо найти смысл жизни путем обращения к понятиям-символам «совесть», «добро», «истина», так как когда-то из этих состояний сформировалась человечность. Сами эти трансценденции человек не создает заново, они функционируют в виде структур сознания, включенных в тексты культуры. Подобная структура сознания активизирует индивидуальное сознание таким образом, что человек оказывается в состоянии сознания, которого он не мог бы достичь естественным путем, так как это требует концентрации сил и удержания этой концентрации длительное время. Чтобы такая структура существовала, нужно, чтобы люди сообщали друг другу саму возможность подобного опыта. Поэтому условием существования культуры и человека является «сообщность». «Под “сообщностью” понимается данность одного “сразу у многих”, “на многих местах” одновременно, то есть сингулярной множественности» [Там же, с. 69]. Отсюда принцип «нельзя убивать», так как это разрушает сообщество и человеческую материю. Поэтому социальность не является производной от эмпирических коллективистских качеств индивида и не дедуцируется из них [Там же, с. 57]. Вопрос о возникновении общности снимается так же, как и вопрос о происхождении культуры и человека. Все эти явления Мамардашвили предлагает считать «физической метафизикой». Метафизическое проявляется в жизни человека и общества на уровне таких «физических» последствий, как мораль, право, наука, образование [Там же, с. 16]. Это все становится возможным в истории человеческого общества, так как когда-то собралось и воспроизводится каждый раз заново усилиями общности. Как справедливо указывал Ю. В. Пущаев, «физическое» у Мамардашвили надо понимать как квазифизическое, так как этот элемент нельзя представить наглядно, его можно понимать как факт сознания, «который может случиться или не случиться в мире» [12, с. 184]. На это обращал внимание и сам философ. Согласно ему, чтобы понять природу социальности, «нужно учиться в области социальной мысли через наблюдаемые явления видеть ненаблюдаемое» [3, с. 16].

Для развития таких навыков он советует обратиться к технике феноменологического сдвига. Феноменологический сдвиг – это усмотрение не только содержания сознания, но и еще видение существования самого этого мысленного образования [Там же, с. 59]. Идея двойственности методологии исследования сознания была принята в качестве постулата ранее в разработанной им совместно с А. М. Пятигорским метатеории сознания. Авторы метатеории исходили из мысли о включенности «наблюдателя» в то, что он наблюдает. Процедура феноменологического сдвига, с их точки зрения, должна быть направлена на то, чтобы различать предметность сознания и способ бытия этой предметности [8, с. 85]. Философы делают вывод, что проанализировать феномены сознания невозможно, а объектом описания должно быть «понимание сознания». «Понимание сознания» можно интерпретировать как способность человека в ходе критической рефлексии осмыслить не только содержание сознания, но и удержать в мышлении позицию самого мыслящего [1, с. 14-15]. Учитывая это обстоятельство, Мамардашвили включает в технику феноменологического сдвига требование «срезания третьего» [3, с. 60], имея в виду невозможность построения позиции внешнего наблюдателя при исследовании понимания общности. Следует принять как данность тот факт, что понимание является условием существования общности. Понимание невозможно передать другому. Понимание «дано сразу у всех, оно устанавливает согласие и сообщение многих» [Там же, с. 90]. Связь между людьми содержится уже в самом понимании. Само понимание есть некое пространство, топос, обладающий временным свойством, разворачивающимся в коммуникации. Понимание эксплицируется в ситуации диалога. Мамардашвили замечает, что речь идет о «странном» диалоге, сама возможность которого обусловлена способностью человека на встречу один на один с бытием. Человек должен встать на свое место, которого нет в готовом виде в социальном мире. Себя человек обнаруживает в акте трансценденции. Под трансценденцией философ понимал выход человека за пределы социально-культурной и психологической ситуации, в которой человек включен [Там же, с. 99]. Подлинная трансценденция возможна только как философствование, которое не является трансцендированием к предметам, а осознанием возможности другого мира, свободы. Потребность человека в свободе Мамардашвили рассматривал как «необходимость себя», как понимание своего уникального места в обществе, которое никто, кроме него, занять не может, которое не является случайным [5, с. 99-100]. Однако, чтобы занять это место, человеку необходимо предпринять усилие, осуществить феноменологическую редукцию, т.е. вынести за скобки культурно-исторические, социальные представления. Вместе с тем

в социально-культурном мире присутствуют артефакты, своим устройством и функционированием воспроизводящие структуры сознания, взаимодействуя с которыми мысль человека порождает состояние понимания. Таким образом, акт индивидуации, получая импульс от мира, доопределяет мир. В. Ю. Файбышенко считает, что неклассический феноменологический подход Мамардашвили по своим интенциям сопоставим с феноменологическими построениями М. Хайдеггера, но отличается от последнего своими философскими интуициями. Так же как и Хайдеггер, Мамардашвили различает понятия сущего и бытия, утверждает, что индивидуальное существование настроено на бытие, а понимание является способом осмысления бытия как целого. Однако индивидуальное существование у Мамардашвили есть личное бытие, для которого первичным является способность иметь отношение к бытию. «Личное бытие не есть ни эмпирическое существование, ни чистое трансцендентальное Я, ни субъективность как таковая. По существу это теологическое основание нетеологического универсума, трансцендентное в имманентном» [15, с. 36]. Философ акцентировал мысль, что, совершая индивидуальный акт, человек наряду с этим осуществляет еще что-то другое, не зависящее от его воли и сознания. Это другое – те фактические отношения, которые возникают в момент совершения его индивидуального поступка. Именно в завязавшихся отношениях следует искать смысл социальности.

В этой связи важной для него является идея К. Маркса о том, что сознание включено в социально-историческое бытие и является необходимым условием этого порядка. Это открытие Маркса Мамардашвили называет «эффектом идеологии». Под «эффектом идеологии» философ понимал мысль Маркса о том, что сознание человека не является прозрачным для него самого, в сознании неявно присутствуют скрытые связи, сцепления, образуемые неконтролируемой деятельностью сознания. Согласно Марксу, следует различать систематическую форму идейного построения и его объективное содержание, которое может не совпадать с формой [3, с. 180]. Идеологией в марксизме принято считать форму организации содержания. «Идеологией является такая совокупность представлений, которая служит для того, чтобы объединять людей вместе в те или иные социальные структуры» [6, с. 69]. Мамардашвили называет идеологию «клеем социальных структур» [Там же], имея в виду такое сцепление социальных структур в сознании, «посредством которого воспроизводится именно данная социальная структура, а не какая-то другая» [3, с. 348]. Идеология является необходимым условием нормального функционирования общественных отношений, она неустранима из общественной жизни. Поэтому он утверждал, что бессмысленно говорить об идеологии в понятиях истины и лжи. Проблемой он считал тот факт, что идеология становится сознанием, считающим себя самодостаточным, истиной в последней инстанции, а на самом деле выражает заданные социальные отношения [6, с. 77]. По мнению мыслителя, главное, чтобы в обществе не было засилия идеологии, когда она исключает свободное духовное производство. В этом случае общество становится тоталитарным. Необходимым условием нормального функционирования общества он считал наличие в общественной жизни не только идеологии, но и философии как свободного духовного производства. Философия как практика индивидуального мышления способствует преодолению макрорезультата глобального пространства, порождаемого идеологией, а также создает условия для рекомпозиции социальной жизни [3, с. 346-348]. Согласно его точке зрения, осуществление деидеологизации общества необходимо предполагало коренную перестройку образования, сопровождающуюся философским просвещением, избавленным от издержек просветительства [14, с. 5].

Мамардашвили считал, что цель образования заключается в том, чтобы помочь человеку войти в сообщество путем творения индивидуальной культуры мышления. По его утверждению, мысль не выводится из философских и научных понятий. Для этого необходим собственный живой опыт, нужно создать «условия, при которых мысль может состояться как состояние живого сознания» [4, с. 17]. В сфере образования необходимо организовать ситуацию понимания сознания. Форму существования сознательности философ называет состоянием сознания. Состояние сознания – это способ существования актов сознания, которые могут включать в себя рефлексивность, но сами они не поддаются рефлексии. Чтобы состоялся опыт понимания, человеку необходимо осознать мысль, что «состояние сознания принципиально не ориентировано однозначно на конкретное содержание, что само уже предполагает равноценность для него отрицательных и положительных психологических содержаний» [8, с. 60]. Поэтому в образовании должны применяться практики, способствующие формированию индивидуальной интерпретации смыслов, а не усвоению и заучиванию какой-то информации. В актах доопределения мира, которые по сути являются актами индивидуации, человек учится быть самостоятельным свободномыслящим членом сообщества, вносящим свой вклад в традицию, а не только воспроизводящим ее. В таком смысле образование видится бесконечным процессом интерпретации смыслов и ценностей культуры сообщества, в котором принимает участие каждый обучающийся [3, с. 131-133]. Если человеку удалось прояснить свои состояния сознания путем приобщения к опыту других и включить свой опыт в культуру, то эту ситуацию Мамардашвили именуется событием, так как человек нашел свое уникальное место в истории сообщества [Там же, с. 133]. Событием он называл осознание человеком факта встречи с истиной, т.е. непосредственной связи с реальностью в какой-то момент времени, воспоминание о котором закрепились в виде кристаллизации на каком-то предмете, ставшем впоследствии символом. Сама кристаллизация является случайной, но, случившись однажды, она превращается в способ объяснения реальности и отношения к ней [7, с. 255]. Как верно подметил Д. Г. Рыбин, в понимании феноменологии события заключается основное расхождение во взглядах Гуссерля и Мамардашвили. Гуссерль сохраняет позицию абсолютного наблюдателя. Субъект Мамардашвили локализован в мире, поэтому у него нет «никакой привилегированной позиции» [13, с. 109]. Истина не производится субъектом, она случается как событие, след которого кристаллизуется в новую форму понимания индивидуального опыта [Там же].

В области образования кристаллизация как случайно найденная форма выражается в понятиях и различных абстракциях. В этой связи необходимо использовать образовательные практики, обучающие грамотному

отношению к абстракциям. Нужно, чтобы человек понял, что абстракция обозначает не причину явления, а она может пониматься, с одной стороны, как реконструкция реального события, уникально кем-то испытанного, с другой – как форма сознания, порождающая новые состояния сознания [3, с. 204]. Особую роль в образовании мыслитель отводил работе с философскими текстами, содержащими в себе порождающие структуры. Включение сознания человека в содержание структур текстов и переосмысление этого содержания на самом себе и означало, с его точки зрения, узнавание себя как другого, открытие в себе человеческого и личного начала [4, с. 24]. Изучая отдельные абстракции, такие как право, экономика, мораль и т.д., человек не может сформировать в своем сознании понимание общественной жизни, так как из суммы пониманий нельзя получить понимание целого. Для понимания целого философ предлагал построить синтетический объект, названный им «множественностью», «сообщностью» и являющийся предметом изучения философии [3, с. 128]. Абстракции, применяемые традиционно в образовании, по сути являются «превращенными формами сознания». Под «превращенными формами» Мамардашвили имел в виду вербальное обозначение сращения сознания и объекта сознания, которое необходимо наблюдателю расщепить [Там же, с. 231]. Расщепление подразумевает кристаллизацию в другой точке, в которой человек чувствует себя более свободно [Там же, с. 289-290]. Мыслитель считал, что необходимо учить людей обнаруживать «превращенные формы». Так как от них избавиться нельзя, на них держится социальный опыт, то нужно научиться относиться к ним не как к онтологическим основаниям, а как к инструменту мышления и способу организации жизни, который может быть другим, поскольку мир не завершен, а всегда свершается.

Он обосновал появление массового бескорневого человека и новых способов объединения людей через средства массовых коммуникаций в качестве причины возникновения фашизма XX века. Он сделал вывод, что тотальность в области мышления вводит людей в состояние «социального одичания», когда они соотносят наблюдаемые на поверхности общественные явления с их структурами сознания [Там же, с. 313]. Это состояние мыслитель описывает как ситуацию, в которой находятся люди, знающие, что есть на самом деле, но ведущие себя как римские авгуры в соответствии с каким-то ритуалом, сценарием [5, с. 316]. Возникает своего рода «сюрреальность» – «воображаемый мир, в котором нет различий интересов», а значит, нет возможности развития [3, с. 332]. Именно такой «сюрреальности» следует опасаться в современном технократическом обществе. Преодолеть крайности процесса информатизации общества представляется возможным в рамках системы образования, соответствующей природе человека. Особое место в этой системе должны занять социальные и гуманитарные науки, особенно философия. А. А. Полонников считает, что главной задачей гуманитарного образования должна быть борьба с текстуальной властью, борьба с идеологией. Обращаясь к работе Р. Скоулза, он выделяет три этапа борьбы с текстом: реконструкция смысла текста, интерпретация текста, критика базового текста, связанная с созданием противотекста [11, с. 124]. По мнению Полонникова, значимость педагогического опыта Мамардашвили заключается в том, что философ во время чтения своих лекций развивал у слушателей не только рефлексивный опыт, а вовлекал их в созданное им интертекстуальное пространство, в границах которого появлялась возможность раскрыть их трансгрессивный потенциал [10, с. 192]. Смысл образования Мамардашвили видел в самопознании индивидом себя как свободного существа, свобода которого конституируется в отношениях с сообщностью. В «Вильнюсских лекциях» Мамардашвили писал, что существенная роль в образовании человека принадлежит философии, позиция которой в культуре «асоциальна, аисторична, аидеологична» [3, с. 347-348]. В текстах, по его мнению, можно обнаружить «нулевую точку», которая является условием перехода от одной структуры сознания к другой. В этих местах концентрируется потенциальная энергия сознания, освоить которую человек может в акте трансценденции, когда он как бы заново собирает вселенную, т.е. сообщность [Там же]. В данном случае у человека появляется возможность на уровне сознания осуществить локальную реорганизацию ценностно-смысловых установок культуры. Такая логика образования будет способствовать отделению общества от государства и формированию гражданского мышления у людей в России.

Таким образом, можно сделать следующие *выводы*. В статье впервые показано, что социальная логика и логика образования в философии Мамардашвили оказываются взаимосвязанными и соответствующими идее Просвещения И. Канта. Онтологическим основанием общества философ определял «сообщность», коммуникативные связи между людьми, возникающие в ситуации понимания как результат трансценденции, стремления людей к свободе. Основной задачей образования он считал развитие индивидуального мышления посредством воспроизводства ситуации понимания в процессе работы с научными и философскими текстами, обнаруживая в их содержании «превращенные формы сознания» и разоблачая их. Продемонстрированная логика образования соответствует задачам современного образования в России, так как в ее рамках становится возможным преодолеть бинарную модель культуры и создать условия для подготовки человека-специалиста, приспособленного к жизни и труду в новой информационной среде, способного к индивидуальному мышлению и ответственному поведению в обществе. Идеи Мамардашвили в области образования могут быть использованы в качестве теоретической базы отечественной философии образования.

Список источников

1. **Клюкина Л. А.** Феноменологическая стратегия исследования оснований русской культуры: в 3-х ч. Петрозаводск: ПетрГУ, 2018. Ч. I. Метатеоретический подход М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского к исследованию сознания и культуры. 85 с.
2. **Лотман Ю. М.** Культура и взрыв. М.: Гнозис; Прогресс, 1992. 272 с.
3. **Мамардашвили М. К.** Вильнюсские лекции по социальной философии: опыт физической метафизики. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2019. 352 с.

4. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
5. Мамардашвили М. К. Необходимость себя: лекции, статьи, философские заметки. М.: Лабиринт, 1996. 432 с.
6. Мамардашвили М. К. Очерк современной европейской философии. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2018. 640 с.
7. Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути. М. Пруст «В поисках утраченного времени». СПб.: РХГИ, 1997. 571 с.
8. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические размышления о сознании, символическом и языке. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 216 с.
9. Мотрошилова Н. В. Социально-культурный контекст 50-80-х годов XX века и феномен Мамардашвили // Ценности и смыслы. 2011. № 7 (16). С. 54-72.
10. Полонников А. А. Дискурс-анализ событий образования: критическое исследование. Мн.: БГУ, 2013. 343 с.
11. Полонников А. А. Образовательные политики письма и чтения: комментарий к статье Д. Г. Рындина «Мераб Мамардашвили: событие мысли и педагогическая практика» // Высшее образование в России. 2019. № 1. С. 119-129.
12. Пуцаев Ю. В. М. К. Мамардашвили. Опыт физической метафизики (Вильнюсские лекции по социальной философии) // Вопросы философии. 2010. № 3. С. 183-185.
13. Рындин Д. Г. Мераб Мамардашвили: событие мысли и педагогическая практика // Высшее образование в России. 2019. № 1. С. 104-118.
14. Соловьев Э. Ю. Философия как критика идеологий. Часть II // Философский журнал. 2017. Т. 10. № 3. С. 5-31.
15. Файбышенко В. Ю. Встреча с феноменом: воплощение и развоплощение. О некоторых чертах феноменологического проекта М. К. Мамардашвили // Международный журнал исследований культуры: границы субъективности. 2013. № 3 (12). С. 35-40.

Logic of Education in the Context of M. K. Mamardashvili's Social Philosophy

Klyukina Lyudmila Alexandrovna, Dr
Petrozavodsk State University
klyukina-la77@yandex.ru

The research objectives are as follows: to reveal logic of education in the context of M. K. Mamardashvili's social philosophy, to identify its role in the modern Russian education. The article examines the basic conceptions of M. K. Mamardashvili's social philosophy and appropriate postulates of his logic of education, shows importance of this model while developing the Russian education system. Scientific originality of the study lies in the fact that the researcher for the first time analyses interrelation of M. K. Mamardashvili's social logic and logic of education. The following conclusions are justified: Mamardashvili's conception contains theoretical provisions to develop the Russian model of open educational space that promotes spontaneous activity and barrier-free communication between educational process participants.

Key words and phrases: ideology; logic of education; M. K. Mamardashvili; converted forms of consciousness; community; social logic.

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.22>

Дата поступления рукописи: 14.08.2020

Цель исследования – выявление характерных особенностей фактического имиджа Республики Мордовия, исходя из результатов опроса экспертов (представителей государственной власти и управления региона, научных и образовательных центров, социокультурных учреждений, СМИ и др.), а также на основании анализа статистических показателей территории, событийной составляющей и т.д., влияющих на формирование имиджа региона. **Научная новизна** заключается в рассмотрении имиджа Республики Мордовия в тесной взаимосвязи с философской категорией восприятия его разными целевыми аудиториями, в частности респондентами-экспертами, а также в выявлении его актуальных показателей. **В результате** доказано, что республиканский имидж находится в состоянии перехода от простого уровня к базовому. Высокие оценки территория получает в позициях, значимых для внешних целевых аудиторий (прежде всего туристов). Для населения региона важен показатель качества жизни населения, который имеет средние экспертные оценки и усугубляется реальным уровнем доходов населения, покупательской способностью и др., что способствует усилению противоречивости между первичным и вторичным имиджем, а также приводит к снижению релевантности имиджевых направлений, продвигаемых региональной властью.

Ключевые слова и фразы: регион; имидж; позиционирование; опрос экспертов; Республика Мордовия.

Напалкова Ирина Геннадьевна, к. ист. н., доц.

Курочкина Ксения Вячеславовна

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва, г. Саранск
zamis@yandex.ru; ksen.kurochckina2017@yandex.ru

Республика Мордовия: имидж региона де-факто (на основе результатов экспертного опроса)

Актуальность исследования имиджа территории обусловлена постоянно возрастающим значением в современных социокультурных условиях такой социально-философской категории, как «индивидуальность»,